

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-45-54

УДК 821.512.154

С.Ж. КенжебаеваМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Конфликт индивидуального и коллективного в традиционном обществе: анализ повести «Джамиля» Ч.Т. Айтматова

Аннотация. В данной статье анализируется повесть «Джамиля» киргизского прозаика Ч.Т. Айтматова в контексте конфликта индивидуального и коллективного в традиционном обществе. В обществах такого типа, существующих и в современности, между личностью и коллективом складываются особые отношения: коллектив формирует мышление и поведение человека, который является прежде всего частью целого. Преемственность между поколениями обеспечивается в первую очередь посредством устной связи. В современной традиционной культуре основополагающие понятия передаются через личные отношения между людьми; при таком взаимодействии транслируется не индивидуальное сознание, а коллективное – семейное, родовое. Традиционное общество обычно строго иерархично, для личности важно иметь «значимых других» из числа ближайшего окружения. Коллективное сознание, как правило, превалирует над индивидуальным. Вопросы о соотношении индивидуального и коллективного в традиционном обществе занимали киргизского прозаика Ч.Т. Айтматова, что нашло отражение в ряде его текстов. В данной работе мы обращаемся к анализу одного произведения – повести «Джамиля» (1958). В ней воспроизводится типичная для традиционного киргизского общества первой половины XX в. ситуация, при которой актуальны издревле сложившиеся семейно-родовые традиции. Рассказ ведется с позиции мальчика-подростка – так реализуется прием остранения: факты окружающей действительности пропускаются сквозь сознание человека, понимающего условность и в известной степени жестокость установленных правил. В ходе анализа становятся очевидны масштабы влияния коллектива на личность: он управляет всеми сферами жизни человека, вплоть до наиболее интимной – любовной. Любое проявление самостоятельности воспринимается как протест против многовекового уклада – и герои Айтматова осознанно идут на это, выбирая личное счастье, не следуя традиционным предписаниям и указаниям коллектива.

© Кенжебаева С.Ж., 2024

Ключевые слова: Ч.Т. Айтматов, «Джамиля», проблемы традиционного общества в литературе, конфликт личности и общества в произведениях писателей, тема любви в прозе Ч. Айтматова

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Кенжебаева С.Ж. Конфликт индивидуального и коллективного в традиционном обществе: анализ повести «Джамиля» Ч.Т. Айтматова // Литература в школе. 2024. № 5. С. 45–54. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-45-54

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-45-54

S.Zh. Kenzhebaeva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The conflict between the individual and the collective in traditional society: The case study of the novel “Jamila” by Chingiz Aitmatov

Abstract. This article analyzes the novel “Jamila” by the Kyrgyz novelist Chingiz Aitmatov in the context of the conflict between the individual and the collective in traditional society. In societies of this type, existing even in modern times, there is a special relationship between the individual and the collective: the collective shapes the thinking and behavior of the individual who is, in the first place, part of the whole. The continuity between generations is provided primarily through the oral communication. In modern traditional culture, fundamental concepts are transmitted through personal relations between people. In such interaction, it is the collective consciousness – family, ancestral – that is transmitted, not individual. The traditional society is usually strictly hierarchical; for an individual, it is important to have “significant others” from among the closest circle. Collective consciousness, as a rule, prevails over individual. Issues about the relation between the individual and the collective in the traditional society interested the Kyrgyz writer Chingiz Aitmatov, which was reflected in a few texts of his. In this paper we turn to the analysis of one work – the story “Jamila” (1958). It reproduces a situation typical of traditional Kyrgyz society of the first half of the 20th century, in which family and clan traditions are relevant. The story is told from the person of a young teenage boy, this is how the technique of defamiliarization technique: the facts of the surrounding reality are shown through the mind of a person who understands the conventionality and cruelty of the established rules. In the course of the analysis, the extent of the collective’s influence on the individual

becomes obvious: it controls all spheres of a person's life, up to the most intimate – love. Any manifestation of independence is perceived as a protest against the centuries-old way of life. And Aitmatov's characters consciously go for it, choosing personal happiness, not following the traditional prescriptions and instructions of the collective.

Key words: Ch.T. Aitmatov, “Jamila”, issues of traditional society in literature, the conflict of an individual and society in writers' works, the love theme in Aitmatov's prose

CITATION: Kenzhebaeva S.Zh. The conflict between the individual and the collective in traditional society: The case study of the novel “Jamila” by Chingiz Aitmatov. *Literature at School*. 2024. No. 5. Pp. 45–54. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-45-54

В традиционных обществах между личностью и коллективом складываются особые отношения: коллектив формирует человека, определяя его мышление и поведение; человек мыслится прежде всего, как часть целого. Такие отношения в большей степени характерны для ранних этапов развития общества, однако и сейчас имеют место пережитки жизненного уклада такого типа. Под традицией понимается «способ накопления и передачи важного общественного значимого опыта от поколения к поколению» [8, с. 51]; «преемственность/связь во времени, несущая в себе некое значимое для множества индивидов содержание»¹. Традиционное общество – «разнородная совокупность доиндустриальных обществ, включающая как многочисленные “первобытные” общества, так и цивилизации древности и Средневековья с их сложной сословной или кастовой структурой, формами хозяйственной жизни и разделения труда, организацией власти и управления, институтами государственно-

сти, письменной культурой и т.д.»². Любая деятельность человека, передача опыта (в том числе культурного, социального) происходит «при посредстве традиций, которые воспринимаются как свод “священных” правил, не подлежащих изменению»³. Это находит выражение в утверждении разных форм общественной стратификации – «авторитета власти отца, вождя, старейшин, монарха, подчинения “младшего” “старшему”, женщины мужчине <...>»⁴. Для человека в таком обществе важно иметь «значимых других» из числа ближайшего окружения; личная инициатива же «блокируется коллективистскими и патерналистскими ценностями»⁵.

Важно, как отмечает исследователь А.С. Обухов, что именно устная связь обеспечивает преемственность между поколениями и влияет на «социальную устойчивость личности» [Там же, с. 6]. Род является

¹ Колесов Д.В., Бондырева С.К. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества: учебное пособие. М., 2007. С. 13.

² Подвойский Д.Г. Традиционное общество // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4199280> (дата обращения: 15.12.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

мощным психологическим механизмом. По наблюдению В.С. Мухиной, «архаичная психология родового человека соединяла его с естественной природной средой. Человек <...> обладал так называемым родовым экологическим сознанием, что обеспечивало ему возможность существования в освоенных природных условиях» [7, с. 48]. Однако личность формируется прежде всего под влиянием социальной среды, она является «носителем тех самых традиций, системы норм, представлений о мире, в которые входит человек и согласно которым выстраивается его жизнь в традиционной культуре» [8, с. 28]. По В.С. Мухиной, «реальность социального пространства имеет организующее поведение человека, его образ мыслей и мотивов – начало, выражаемое в социальном ожидании людей, в системе принятых обязанностей и прав» [цит. по: 6, с. 19]. Важное замечание сделано Х.У. Уруновой: «Личность в традиционном обществе всегда включена в солидарные группы (семья, род, махалля, деревенские и религиозные общины, регион и т.д.), коллективное сознание превалирует над индивидуальным» [11, с. 59].

В современной традиционной культуре основополагающие понятия передаются через личные отношения между людьми – «из уст в уста»; при таком взаимодействии транслируется не индивидуальное сознание, а коллективное – семейное, родовое. Неизменность отношений между «я» и коллективом обеспечивает сохранение стабильности общества: «В системе традиционных нормативов <...> проявление индивидуальности и личностной особенности не одобряется. <...> сохранение традиций явля-

ется ценностью, а их нарушение влечет социальное осуждение» [8, с. 30]. Именно поэтому важнейшими категориями являются долг перед старшими, покорность, уважение, совместный труд.

Спектр этих проблем находит отражение в литературе. Вопросы о месте человека в мире, его отношениях с окружающей реальностью, природой и, в частности, обществом занимали киргизского прозаика Ч.Т. Айтматова. «Планетарный» масштаб видения мира, обращение к вопросам, «значимым для человека вообще, где бы он ни жил, на Западе или Востоке», как отмечает С.Г. Семенова, и относит творчество Айтматова к натурфилософской прозе, где главный вопрос – «о природе человека, о его отношении к вечным реальностям бытия: природе, ее тварям, космосу, другим людям, жизни и смерти, вопрос о корнях зла в человеческой природе» [10, с. 806].

В.В. Варава и Т.М. Махаматов склонны видеть в творчестве Айтматова тенденции философии экзистенциализма: «Писатель и философ Айтматов через национальные формы человеческого бытия раскрывает ранее малоисследованные оттенки экзистенциальных коллизий человеческой души» [3, с. 148]. Важнейшим в контексте рассматриваемой нами темы является тезис К. Асаналиева о том, что «вопреки сложившимся канонам панорамности и многоплановости в киргизской прозе средоточием его поисков стала индивидуальная человеческая личность. Именно личность, несущая в себе квинтэссенцию народной социальной жизни, освещенная светом общечеловеческой ценности, составила стержень творческих открытий» [1, с. 262].

В данной работе мы подробнее остановимся на анализе повести «Джамиля» (1958). Повествование ведется от лица Сеита – взрослого человека, вспоминающего юность, рассказывающего историю о своей «джене», т.е. жене брата, Джамиле. На момент действий, описываемых в повести, он – подросток. Именно сквозь этот ретроспективный взгляд показана история любви Джамили и Данияра. Эмоциональные переживания рассказчика-подростка и последующее их осмысление обрамляют историю отношений героев.

Изображенная в произведении реальность – киргизский аил «на третьем году Великой Отечественной войны». <...> рассказывается о быте, жизни целым семейным кланом, в котором управляет «старшая мать», о соблюдении обычаев родового адата, по которым отец должен был жениться на вдове своего брата с двумя сыновьями» [4, с. 15–16]. Воспроизводится типичная для традиционного киргизского общества первой половины XX в. ситуация, при которой актуальны издревле сложившиеся семейно-родовые традиции. При этом люди, связанные по крови, объединены также общим трудом – в колхозе. Здесь – четкая организация коллектива, структура, иерархия. Г. Гачев назвал устроенный таким образом тип общества «патриархальным коллективизмом», отмечая, что «со стороны советского общества предъявляются как будто те же требования: трудись честно, уважай старших, крепи семью, будь скромн, смиряй гордыню, не выпячивай свое “я”, подчиняй свои личные интересы и желания интересам коллектива и т.д.» [Там же, с. 17]. Рассказ о событиях с позиции мальчика-подростка – реа-

лизация приема остранения: факты окружающей действительности пропускаются сквозь сознание человека, критически мыслящего, понимающего условность и в известной степени жестокость установленных правил. Он обладает умением видеть прекрасное, тонкостью чувств – именно поэтому он выделил среди остальных Джамилю и Данияра.

Родовой коллектив регламентирует жизнь каждого человека, предписывая определенные поведенческие стратегии. Джамиля – невестка; женщина, муж которой на войне; на нее возложено большое количество бытовых обязанностей, она не должна запятнать репутации мужа. Однако героиня отличается от окружающих ее женщин, это подмечает рассказчик: «Джамиля была под стать матери – неутомимая, сноровистая, только вот характером немного иная» [2, с. 7]. В описаниях Джамили ее инаковость подчеркивается лексическими и синтаксическими средствами – используются конструкции с отрицанием, предложения с противительными союзами, сравнительные обороты: «А вот Джамиля с первых же дней, как пришла к нам, оказалась не *такой*, *какой положено быть* невестке. Правда, она уважала старших, слушалась их, но *никогда* не склоняла перед ними голову, *зато* и не язвила шепотком, отвернувшись в сторону, *как другие* молодухи. Она всегда прямо говорила то, что думала, и не боялась высказывать *свои* суждения» (курсив наш. – С.К.) [Там же, с. 13]. Отмечаются главные для женщины, являющейся частью трудового коллектива, характеристики: она трудолюбива, покладиста, ловка, сообразительна. Рассказчик называет в ее характере и «мужские черты, что-то резкое,

а порой даже грубоватое» [2, с. 12]; она «работала напористо, с мужской хваткой. С соседями ладить не умела, но, если понапрасну задевали, никому не уступала в ругани, и бывали случаи, что и за волосы кое-кого таскала» [Там же].

Такое поведение Джамили не приветствовалось другими жителями айла: семью «малого дома» часто упрекали в том, что их невестка распущенна, ведет себя неуважительно, говорит слишком много – «ни тебе уважения, ни тебе стыдливости» [Там же]. Мать рассказчика на это отвечала, противопоставляя Джамилю другим невесткам, что такие качества свидетельствуют о ее честности: «Невестка у нас любит правду в глаза говорить. Это лучше, чем скрытничать да исподтишка жалить. Ваши тихонями прикидываются, а такие вот тихони – что протухшие яйца: снаружи чисто и гладко, а внутри – нос заткни» [Там же, с. 12–13]. При этом перечисленные качества Джамили одобрялись, лишь пока служили на пользу общему делу. Целью жизни женщины было трудиться во имя благосостояния дома, семьи, рода, быть верной «богу и мужу», и наставление матери ясно это постулирует: «Благодари Аллаха, дочь моя, – поучала мать Джамилю, – ты пришла в крепкий благословенный дом. Это – твое счастье. Женское счастье – детей рожать да чтобы в доме достаток был. <...> Только счастье – оно живет у того, кто честь и совесть свою бережет. Помни об этом, соблюдай себя!...» [Там же, с. 14].

Мальчик-рассказчик же видит в Джамиле прежде всего молодую девушку, открытую миру, радующуюся простым вещам. Показательно

в этом смысле то, что она не стесняясь проявляла чувства, громко смеялась, пела: «...уж слишком откровенно была она весела, точно дитя малое. Порой, казалось бы, совсем беспричинно начинала смеяться, да еще так громко, радостно. А когда возвращалась с работы, то не входила, а вбегала во двор, перепрыгивая через арык <...> любила Джамилю петь, она постоянно напевала что-нибудь, не стесняясь старших. <...> для меня лучше Джамили никого не было на свете. Нам было вместе очень весело, мы могли хохотать без всякой причины и гоняться друг за другом по двору» [Там же]. Пение героини – это проявление ее внутреннего я, что обнаруживает творческий склад ее личности и привлекает рассказчика.

Однако в полной мере мальчик открывает в себе художника только после близкого знакомства с Данияром. Он не похож на остальных «джигитов», молчалив и замкнут. Родился он в этом же айле, еще в детстве остался сиротой, скитался «по разным краям», потом ушел в казахские степи (по матери он был казахом), а после армии вернулся в родной айл, где вспомнили его предков и сразу же «точно установили, из какого он рода» [Там же]. Его неоднозначный общественный статус говорит о том, что он *другой, вне системы*: не привязан к семье, роду, у него нет закрепленного положения в коллективе. Его поведение не соответствует представлениям о том, как должен вести себя джигит: «Скажу по чести, не очень-то он нам нравился. Прежде всего не пришлась нам по душе его замкнутость. Говорил Данияр мало, а если и говорил, то чувствовалось, что

думает он в это время о чем-то другом, постороннем, что у него какие-то свои мысли, и не поймешь, видит он тебя или не видит, хотя и глядит прямо тебе в лицо своими задумчиво-мечтательными глазами» [2, с. 14].

Г. Гачев пронизательно указывает на черты байронического героя в одном из описаний Данияра: «Он остановился неподалеку, над обрывом, да так и остался стоять, заложив руки за спину и чуть склонив на плечо голову. Он стоял спиной ко мне. Его длинная, угловатая фигура, словно вытесанная топором, резко выделялась в мягком лунном свете» [Там же, с. 22]. В этом фрагменте «все знаменательно: и сам образ, и средства его построения. Данияр предстает в лунном свете, на фоне романтического пейзажа: на фоне обрыва, реки, среди ночных шорохов, к которым он, как посвященный и причастный к сокровенным тайнам мироздания, чутко прислушивается» [4, с. 25].

Песня важна и для понимания образа Данияра: Сеиту и Джамиле именно в момент исполнения песни открывается богатство его души; в его голосе герои слышат связь с силами родной земли: «Если бы я только мог хоть в какой-то мере воспроизвести песню Данияра! В ней почти не было слов, без слов раскрывала она большую человеческую душу. <...> она не походила ни на киргизские, ни на казахские напевы, но в ней было и то и другое. Музыка Данияра вобрала в себя все самые лучшие мелодии двух родных народов и по-своему сплела их в единую, неповторимую песню. Это была песня гор и степей, то звонко взлетающая, как горы киргизские, то раздольно стелющаяся, как степь казахская. <...> Неужели

он так богат? Что с ним произошло? Словно он только и ждал своего дня, своего часа! И мне вдруг стали понятны его странности, которые вызывали у людей и недоумение и насмешки: его мечтательность, любовь к одиночеству, его молчаливость» [1, с. 41–42].

Пение Данияра становится кульминацией повести: после этого рассказчик-подросток создает первый рисунок, а Джамиля признается Данияру в чувствах. Ее решение бежать с ним из аила с точки зрения семьи и окружающих безрассудно и непростительно. Как отмечают А.Б. Куделин и К.К. Султанов, «исчезновение Джамилы и Данияра <...> сравнимо с травматическим шоком или выпадением из гнезда традиционализма, за которым следует легко предсказуемая реакция» [5, с. 185]. Общественное осуждение выразительно передано с помощью перечисления фраз, которые родственники отпускают в адрес влюбленных: «Давно надо было гнать из аила эту приبلудную собаку-полукровку! Срам, позор всему роду!» [1, с. 64]. Однако рассказчик понимает Джамилю, внутренне одобряет ее поступок.

В повести изображается особый тип отношений между мужчиной и женщиной, иной вид понимания любовного чувства. Г. Гачев в этом контексте говорит о разнице любви «в странах Востока и на Западе»: «Все отличие от предшествующей, патриархальной формы любви здесь, следовательно, не в том, что первая – невольная, а вторая – акт свободной воли, а в том, что получение друг друга люди нового времени осуществляют сами, без посредника, ибо они сами научились слышать влекущий

их друг к другу голос; раньше это вручение суженых друг другу осуществлял коллектив старших. Но от этого муж (или жена) не переставал быть для другого священным даром, счастьем и т.д. Потому любовь и привязанность и т.д. – все здесь было» [4, с. 22].

Исследователь отсылает к киргизскому эпосу «Манас», где описывается зарождение чувства между ханом Семетеем и дочерью Акун-хана Айчурек: они еще до рождения были посватаны – Манас и Акун-хан до появления у них детей договорились поженить их. Когда герои достигли определенного возраста и встретились, влюбились друг в друга с первого взгляда: «Разумеется, с первого взгляда! Ибо их любовь уже жила до их существ, до их “я” – еще до их рождения. Лишь став взрослыми, они узнают о ее существовании, независимо от них (Семетей узнает свою любовь как тайну своего отца! – и, не задумываясь, принимает ее как свою любовь)» [Там же, с. 23].

Любовь мыслилась древними как священное общественное дело; поэтому именно старшие в роду определяли судьбу молодых. К слову, в начале повести, объясняя уклад жизни семьи, рассказчик использует глагол «женили» в описании женитьбы его отца на овдовевшей жене хозяина Малого дома: «По старому обычаю родового адата, которого тогда еще придерживались в айле, нельзя выпустить на сторону вдову с сыновьями, и наши одноплеменники женили на ней моего отца» (курсив наш. – С.К.) [1, с. 7]. Здесь отчетливо раскрыта сущность традиционного коллективистского общества: действие

столь личного характера производится не от первого лица, выбор не самостоятелен, а совершается как бы помимо воли человека. Грамматически субъект здесь – род, именно он принимает решение и обладает правом его совершения; отец рассказчика (не говоря уже о женщине) – объект этого действия. Однако идея о предназначенности друг другу до физической встречи, о предопределении судеб остается важной – пусть в эпоху, описываемую в повести, решение о свадьбе уже потеряло философское наполнение и свелось к реализации чисто практических задач, но она (эта идея) осталась в качестве метафоры подлинной любви. Именно об этом Джамия говорит в финале повести, когда происходит их с Данияром объяснение в чувствах: «Родимый мой, одинокий, не отдам тебя никому! Я давно любила тебя. И когда не знала – любила и ждала тебя, и ты пришел, будто знал, что я тебя жду!» [Там же, с. 60]. Р. Рахманалиев справедливо отмечает, что «теме любви в произведениях Айтматова принадлежит огромное, если не первостепенное место: это не состояние души, а первооснова мира, любовь самоценна, она имеет свой образ и этот образ – женщина» [9, с. 224–225].

Таким образом, любовное чувство в повести сопряжено в той или иной степени с трагедией, потерей, нарушением запрета, с разрушением. Одновременно с этим любовь не перестает быть чувством созидательным. Идя против устоявшихся норм, герои Айтматова становятся свободными и обретают счастье друг в друге. Именно любовь позволяет героям заявить о самостоятельности

и независимости. Автор изображает строго организованное традиционное общество, где влияние коллектива распространяется на все сферы человеческой жизни, вплоть до наиболее интимной – любовной. Любое проявление самостоятельности вос-

принимается как протест против устоявшейся системы, многовекового уклада – и герои Ч.Т. Айтматова осознанно идут на это, выбирая личное счастье, не следуя традиционным предписаниям и указаниям коллектива.

Библиографический список

1. Асаналиев К. Национальная антропология Ч. Айтматова // Ковчег Чингиза Айтматова / под ред. Ф. Хамраева. М., 2004. С. 261–270.
2. Айтматов Ч.Т. Первый учитель. Повести. СПб., 2022.
3. Варав В.В., Махматов Т.М. Новые формы экзистенции в произведениях Ч. Айтматова // Философия и общество. 2021. № 3 (100). С. 143–155.
4. Гачев Г.Д. Чингиз Айтматов (в свете мировой культуры). Фрунзе, 1989.
5. Куделин А.Б., Султанов К.К. Всеобщность «особенного» как философско-художественный императив (перечитывая и переоткрывая Чингиза Айтматова) // Филология и культура. 2014. № 1 (35). С. 181–190.
6. Мухина В.С. Дивный новый мир: не антиутопия, реальность // Развитие личности. 1998. № 2. С. 15–26.
7. Мухина В.С. Этнопсихология: настоящее и будущее // Психологический журнал. 1994. № 3. С. 42–49.
8. Обухов А.С. Психология личности в контексте реалий традиционной культуры. М., 2006.
9. Рахманалиев Р. Жизнь, равная Вселенной (Философия творчества Чингиза Айтматова) // Ковчег Чингиза Айтматова / под ред. Ф. Хамраева. М., 2004. С. 222–240.
10. Семенова С.Г. Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию. М., 2016.
11. Урунова Х.У. Системообразующие компоненты национального менталитета в традиционных обществах // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2018. № 2 (75). С. 57–64.

References

1. Asanaliev K. National anthropology of Chingiz Aitmatov. *Kovcheg Chingiza Aitmatova*. F. Hamraev (ed.). Moscow, 2004. Pp. 261–270. (In Rus.)
2. Aitmatov Ch.T. *Pervyi uchitel. Novels*. St. Petersburg, 2022.
3. Varava V.V., Makhamatov T.M. New forms of existence in Ch. Aitmatov's works. *Philosophy and Society*. 2021. No. 3 (100). Pp. 143–155. (In Rus.)
4. Gachev G.D. Chingiz Aitmatov (v svete mirovoi kultury) [Chingiz Aitmatov (in the perspective of world culture)]. Frunze, 1989.
5. Kudelin A.B., Sultanov K.K. Universality of “The Original” as a philosophical-artistic imperative (Rereading and rediscovering Chingiz Aitmatov). *Philology and Culture*. 2014. No. 1 (35). Pp. 181–190. (In Rus.)
6. Mukhina V.S. *Marvelous New World: Not dystopia, reality. Development of Personality*. 1998. No. 2. Pp. 15–26. (In Rus.)
7. Mukhina V.S. Ethnopsychology: Present and future. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1994. No. 3. Pp. 42–49. (In Rus.)
8. Obukhov A.S. *Psikhologiya lichnosti v kontekste realii traditsionnoi kultury* [Psychology of personality in the context of the realities of traditional culture]. Moscow, 2006.

9. Rakhmanaliev R. Life equal to the Universe (Philosophy of Chingiz Aitmatov's work). *Kovcheg Chingiza Aitmatova*. F. Hamraev (ed.). Moscow, 2004. Pp. 222–240. (In Rus.)
10. Semenova S.G. Russkaya literatura XIX–XX vekov: Ot poehtiki k miroponimaniyu [Russian literature of XIX–XX centuries: From poetics to world understanding]. Moscow, 2016.
11. Urunova H.U. System-forming components of the national mentality in traditional societies. *Bulletin TSULBP*. 2018. Pp. 57–64. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2024, принята к публикации 30.08.2024

The article was received on 30.04.2024, accepted for publication 30.08.2024

Сведения об авторе / About the author

Кенжебаева Салтанат Жакслыковна – магистрант филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Saltanat Zh. Kenzhebaeva – Post-graduate student in the master's program, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: ksaltanat01@mail.ru